

Заключительное слово научного руководителя семинара

А.И. Неклесса

Сегодня речь шла об актуальном явлении: осмыслении и переосмыслении историко-политической феноменологии человеческой солидарности и институционального солидаризма. Тема эта обострилась в настоящее время, когда в новой социальной среде возникают новые формы социополитических сообществ, новые формы солидарности. Но чья это солидарность? На протяжении истории и субъекты, и сам формат солидарности менялись. В прошлом солидарность горожан, буржуа, третьего сословия породила такую форму социального общежития, как национальное государство, чья механика усложнилась, в результате – революция масс.

Эта революция, с одной стороны, породила современное городское общество, в котором действовал такой институт, как демократия; но, с другой стороны, усложнение социальных процессов, экономической жизни (индустриализм) вело к кризису «классической» демократии (если таковая вообще существовала в чистом виде). Подобная ситуация способствовала развитию различных форм социальной инженерии, которая, провозглашая лозунги демократии, на деле утверждала власть олигархии, причем в широком диапазоне – от корпуса «профессиональных политиков», лоббирующих интересы тех или иных социальных тяжеловесов, до более откровенной партийно-номенклатурной организации политического строя. В России данный процесс проявился в феномене «партийности» и, одновременно, не слишком отчетливом противостоянии партийного и государственного аппарата, имевших, впрочем, общие номенклатурные корни.

И последнее. Почему все чаще звучит тема креативного класса? Происходит транзит от индустриального мира к

постиндустриальному, от сложного общества к еще более сложному. Тезис слишком общий, но он имеет конкретные расшифровки. К примеру, рост значения таланта, уникальности, ценности нематериальных активов. Тут и возникает новая форма солидарности – солидарности представителей креативного класса или, если угодно, «элитариев». Это новая форма корпоративности, которая шаг за шагом продвигается к власти, и она весьма отлична от прежней солидарности, о которой говорили в пору существования классической демократии.